

УДК 349.6

ОБЪЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются имеющие концептуальный характер правовые подходы к определению объекта экологических отношений в контексте принятия в 2023 г. новой редакции Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» и планируемой кодификации экологического законодательства. Предлагается рассматривать объект экологических правоотношений с точки зрения одновременного наличия естественных (природных), а также вещественных (материальных) свойств в качестве основных признаков, закрепленных в нормативных правовых актах, с учетом того, что в новейшем законодательстве скорректирован их перечень. Обосновываются критерии определения круга объектов экологических правоотношений. Формулируются предложения, направленные на совершенствование правового регулирования в исследуемой области.

Ключевые слова: экологическое право; окружающая среда; экологическое правоотношение; объект экологических правоотношений.

OBJECTS OF ENVIRONMENTAL LEGAL RELATIONS: DISCUSSION ASPECTS

T. I. MAKAROVA^a, V. E. LIZGAROV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. E. Lizgarov (lizgarov@mail.ru)

Abstract. Legal approaches of a conceptual nature to determining the object of environmental legal relations are explored in the context of the adoption of a new edition (2023) of the Law of the Republic of Belarus of 26 November 1992 No. 1982-XII «On environmental protection». It is proposed to consider the object of environmental legal relations from the point of view of the simultaneous presence of natural as well as material properties as leading features enshrined in regulatory legal acts, taking into account the fact that their list has been adjusted in the latest legislation. The criteria for determining the range of objects of environmental legal relations are substantiated. Proposals aimed at improving the legal regulation in the area under study are formulated.

Keywords: environmental law; environment; environmental legal relations; object of environmental legal relations.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Лизгаров ВЕ. Объекты экологических правоотношений: дискуссионные аспекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;2:57–64. EDN: WUHIHJ

For citation:

Makarova TI, Lizgarov VE. Objects of environmental legal relations: discussion aspects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;2:57–64. Russian. EDN: WUHIHJ

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаров – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

makti@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Victoria E. Lizgarov, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

lizgarov@mail.ru

Введение

Принятие Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») в новой редакции 2023 г., а также разработка концепции проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, предусмотренная Планом подготовки проектов законодательных актов на 2024 год и Концепцией правовой политики Республики Беларусь, в очередной раз ставит перед доктриной экологического права вопрос об общественных экологических отношениях и особенностях их объекта. В теории права признается, что важнейшие категории определяют самостоятельность отрасли и ее содержание. В состав правоотношения обязательно должны быть включены субъекты (лица, вступающие в общественно значимые связи), объект (реальные блага (явления, предметы окружающего мира), на которые направлены субъективные юридические права и обязанности), сами субъективные юридические права и обязанности (содержание правоотношения) [1, с. 72; 2, с. 154]. На первый взгляд вопрос об объектах отношений, которым посвящена данная статья, традиционен в силу признания в науке их обязательной принадлежности к природе [3, с. 103; 4, с. 28; 5–7]. Вместе с тем данный вопрос является дискуссионным из-за наличия у таких объектов вещественных и невещественных свойств, что раз за разом возвращает специалистов к обсуждению подходов к закреплению их юридических признаков, классификации и собственно круга рассматриваемых объектов. В научной

литературе отражен самый широкий подход: от рассмотрения Земли, космоса и Вселенной [4, с. 17–25; 8, с. 26–35] или человека [9] как особых объектов экологических правоотношений до постановки вопроса о снеге как объекте этих правоотношений [10].

Главное нематериальное благо, обеспечиваемое законодательством об охране окружающей среды, – право на благоприятную окружающую среду – остается за рамками настоящего исследования, поскольку полагаем безусловно доказанным понимание его содержания и места среди иных объектов экологических правоотношений как в доктрине [11; 12, с. 75–91; 13], так и в международном праве и национальном законодательстве об охране окружающей среды, где оно является признанным в качестве неотъемлемого права (принцип 1 Декларации Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г.; ст. 13 и 15 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г.) и гарантируется на конституционном уровне (ст. 46 Конституции Республики Беларусь).

В данной работе объект экологических правоотношений рассматривается с точки зрения одновременно наличия естественных (природных) и вещественных (материальных) свойств в качестве основных признаков, закрепленных в законодательстве, с учетом того обстоятельства, что Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. скорректировал их перечень. В связи с вышесказанным обращение к теории вопроса для анализа внесенных изменений представляется актуальным.

Основная часть

Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2002 г. в качестве объектов отношений в области охраны окружающей среды называл землю (включая почвы), недра, воды, атмосферный воздух, озоновый слой, околоземное космическое пространство, леса, растительный и животный мир в его видовом разнообразии, особо охраняемые природные территории и природные территории, подлежащие специальной охране, национальную экологическую сеть, биосферные резерваты, типичные и редкие природные ландшафты и биотопы, климат, естественные экологические системы, иные природные объекты, а также право природопользования. Статья 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. содержит существенные изменения в части определения круга объектов экологических отношений. Так, из данной статьи исключено околоземное космическое пространство, с чем следует согласиться, учитывая, что связанные с ним отношения урегулированы исключительно на международном уровне Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела,

от 27 января 1967 г., который устанавливает для этого объекта как пространства, находящегося за пределами государственной юрисдикции, специальный международно-правовой режим – «общее наследие человечества». Стороной данного договора является и Республика Беларусь.

Новации затронули не только исключение, но и добавление новых объектов экологических правоотношений – болот и микроорганизмов, что позволяет констатировать расширение предмета экологического права. Включение болот, вероятно, связано с тем, что они названы в качестве объекта отношений в области охраны и использования торфяников в Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 272-3 «Об охране и использовании торфяников», который согласно Закону «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. включен в систему законодательства об охране окружающей среды (п. 2 ст. 2) и направлен не только на сохранение болот, но и на охрану, рациональное (устойчивое) использование торфяников, удовлетворение экономических и иных потребностей в их ресурсах настоящего и будущих поколений. Однако в соответствии со ст. 80 Закона

«Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. естественные болота, как это и было предусмотрено прежде, относятся к природным территориям, подлежащим специальной охране, которые уже названы в качестве отдельного объекта отношений. Это обстоятельство повлекло расширение предмета правового регулирования путем закрепления в качестве самостоятельного объекта всех видов болот, а не только естественных.

Подобная ситуация характерна и для биотопов, которые с 2013 г. также выделены в качестве объекта правоотношений в области охраны окружающей среды, в то время как часть из них (типичные и редкие) отнесены к природным территориям, подлежащим специальной охране. В ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. в качестве объекта отношений, кроме природных территорий, подлежащих специальной охране, названы и особо охраняемые природные территории, тогда как иные территории с особыми условиями использования (территории радиоактивного загрязнения или экологически неблагоприятные территории) в перечне отсутствуют. В отношении последних в научной литературе высказывается заслуживающее поддержки мнение о целесообразности их включения в перечень объектов [14], тем более что гл. 16 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. дает классификацию таких территорий и формирует основы их правового режима. Полагаем, что данного рода неопределенность требует разрешения.

Ожидаемым было включение в перечень объектов отношений окружающей среды как интегрированного объекта. Однако, судя по всему, законодатель стремился к дифференциации объектов эколого-правовой охраны, в то время как в теории экологического права на современном этапе доказано наличие интегрированных объектов регулируемых общественных отношений на уровне как национального, так и международного права окружающей среды [4; 15–17]. Изначально описанная позиция нашла подтверждение в редакции Закона «Об охране окружающей среды» 2002 г., где впервые было предложено понятие «окружающая среда» и дано его определение («совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов»). До принятия этой редакции данный нормативный правовой акт по объективным причинам во многом тяготел к подходам, сформировавшимся в природоресурсном законодательстве советского периода, закрепляя в качестве объекта правоотношений «объекты природы, подлежащие охране». Редакция 2002 г. определила объект иначе («объекты отношений в области охраны окружающей среды», которые включены в природно-социальную систему – окружающую среду), хотя в ст. 5 этой редакции окружающая среда как отдельный объект названа не была.

Новелла состояла в переосмыслении понимания данной эколого-правовой категории: в сферу эколого-правового регулирования были включены объекты, не имеющие естественного происхождения (природно-антропогенные и антропогенные объекты), без которых не существует сама окружающая среда. Данное обстоятельство обусловило появление новых правовых институтов, имеющих целью охрану окружающей среды как единого объекта (например, установление требований в области охраны окружающей среды, правовое регулирование экологической экспертизы, аудита, сертификации, страхования). В настоящее время нововведения 2002 г. требуют дальнейшего развития, поскольку необходимость закрепить окружающую среду в качестве самостоятельного интегрированного объекта экологических правоотношений назрела давно. Отсутствие в числе объектов отношений в области охраны окружающей среды самого предмета, на который направлена такая охрана, не просто представляется нелогичным, а является пробелом, порождающим дефекты в виде ошибок при определении всей совокупности объектов экологических отношений. Дело в том, что эта ведущая категория экологического права содержит в определении исчерпывающий ряд понятий (самостоятельных категорий), частично приведенных в ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., использование которых позволяет привести перечисленные в ст. 5 названного закона объекты отношений в области охраны окружающей среды в систему. Такая систематизация создаст условия для дифференциации объектов на компоненты природной среды (земля, недра, воды, растительный мир, животный мир, атмосферный воздух, озоновый слой), природные объекты (естественные экологические системы, природные ландшафты, биотопы, болота, формируемые включенными в них компонентами природной среды, которые сохранили свои природные свойства), природные комплексы (функционально и естественно связанные между собой природные объекты, объединенные географическими и иными соответствующими признаками). К последним согласно Закону «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. отнесены леса, особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, которые в необходимых случаях включаются в состав биосферных резерватов и совокупно объединяются в национальную экологическую сеть, а также иные территории с особыми условиями охраны и использования. Изложение содержания статьи Закона «Об охране окружающей среды», определяющей объекты соответствующих отношений на основе сформировавшейся в доктрине экологического права терминологии (к тому же воспроизведенной в этом законе), позволит преодолеть ряд названных выше неопределенностей и пробелов. К сожалению,

фактическое отсутствие легального определения понятия «компонент природной среды», которое дано в п. 13 ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. через простое перечисление, привело к тому, что в перечне компонентов природной среды оказались объекты, таковыми по существу не являющиеся. Посмотрим на проблему с точки зрения теории экологического права, в соответствии с которой компонент природной среды и его составляющие для признания их объектами экологических правоотношений должны обладать следующими юридически значимыми признаками: естественное происхождение, естественная связь с окружающей средой или нахождение в цепи экологических (естественных) связей природной среды. Согласно этим критериям компоненты природной среды представляют собой составную часть природы, обладающую устойчивыми естественными признаками, которые характеризуют в зависимости от самого компонента его физическое состояние, качество, местоположение, что позволяет отграничивать один компонент природной среды от другого и устанавливать соответствующий данным особенностям правовой режим. Эти естественные признаки, как правило, определены в природоресурсном законодательстве [3, с. 103; 18, с. 72–73]. Так, земля (земли) – это «земная поверхность, включая почвы, рассматриваемая как компонент природной среды, средство производства в сельском и лесном хозяйстве, пространственная материальная основа хозяйственной и иной деятельности» (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле); недра – «часть земной коры, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности, дна водоемов, водотоков» (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о недрах); растительный мир представляет собой «совокупность произрастающих дикорастущих растений, образованных ими популяций, растительных сообществ и насаждений» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире»); животный мир определен как «охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе» (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире»); атмосферным воздухом является «компонент природной среды, представляющий собой естественную смесь газов атмосферы, находящуюся за пределами жилых, производственных и иных помещений» (Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха»). Следует отметить, что Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. относит к компонентам природной среды и воды, а Водный кодекс Республики Беларусь за-

крепляет их в качестве объекта соответствующих отношений, хотя определение понятия в нормативных правовых актах отсутствует, что можно рассматривать как самостоятельный дефект водного законодательства [19]. Таким образом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что природоресурсное законодательство при закреплении объекта правоотношений в большинстве случаев делает акцент на его определении именно как компонента природной среды, что, собственно, и предопределяет установление самостоятельного правового режима.

Как было сказано выше, Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. называет в качестве объекта отношений в области охраны окружающей среды микроорганизмы. Более того, в п. 13 ст. 1 последние отнесены именно к компонентам природной среды. Полагаем эту «новеллу» ошибочной и приводим следующие доводы в обоснование нашей позиции. Согласно сложившемуся в науке и быту пониманию «микроорганизм – мельчайший, преимущественно одноклеточный животный или растительный организм, различимый лишь под микроскопом» [20, с. 334]. Итак, их размеры и природные признаки (как животное, так и растительное происхождение) не позволяют осуществлять отдельное от иных компонентов природной среды правовое регулирование, а следовательно, идентифицировать их в качестве самостоятельного объекта экологических отношений, что подтверждается как обычным жизненным опытом, так и содержанием законодательства. Например, в п. 14 ст. 1 Лесного кодекса Республики Беларусь лес определяется как совокупность древесно-кустарниковой растительности, живого напочвенного покрова, диких животных и микроорганизмов, образующая природный комплекс. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-3 «О растительном мире» и Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-3 «О животном мире» вообще не содержат норм, которые относили бы микроорганизмы к соответствующим компонентам природной среды (растительный мир и животный мир) как к объектам правового регулирования. Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. закрепляет место такого рода организмов исключительно в составе окружающей среды при определении ее благоприятного (неблагоприятного) состояния. Так, в соответствии со ст. 1 и 28 названного закона загрязнение окружающей среды рассматривается в контексте поступления в компоненты природной среды и микроорганизмов с уточнением нормативов их предельно допустимых концентраций на основе показателей предельно допустимого содержания микроорганизмов в окружающей среде, несоблюдение которых приводит к причинению экологического вреда. Мысль о том, что рассматривать этот объект в качестве самостоятельного не представляется возможным, подтверждается ст. 70

Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., которая устанавливает экологические требования к деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие посредством использования микроорганизмов, не свойственных естественным экологическим системам, а также созданных искусственным путем. В подобной логике этот объект представлен и в Законе Республики Беларусь от 16 декабря 2008 г. № 2-3 «Об охране атмосферного воздуха», который определяет загрязняющие атмосферный воздух вещества как химические вещества или их смесь, микроорганизмы, иные биологические вещества, поступление которых в атмосферный воздух оказывает вредное воздействие на окружающую среду (ст. 1). Показательно, что в ст. 14 нового законодательного акта – Закона Республики Беларусь от 5 марта 2024 г. № 356-З «Об обращении с генетическими ресурсами», который вступает в силу 9 марта 2025 г., – этот объект рассматривается исключительно в составе (в образцах) компонентов природной среды (почв, недр, вод, атмосферного воздуха).

Таким образом, можно сделать следующий вывод: отнесение микроорганизмов к компонентам природной среды размывает содержание этой важнейшей эколого-правовой категории (не получившей определения в Законе «Об охране окружающей среды»), что в дальнейшем приводит к появлению объектов, которые являются уже представленными в законе как составные части иных объектов и имеют оптимальное правовое обеспечение либо которые, в силу природных свойств, не подлежат (не могут подлежать) самостоятельному правовому регулированию. В качестве исторического примера можно привести включение в ст. 5 первой редакции Закона «Об охране окружающей среды» 1992 г. почвенной влаги в качестве отдельного объекта природы, подлежащего охране, который формально и фактически оказался за рамками эколого-правового регулирования. Подобное случится и с микроорганизмами. Установление законодателем экологических требований, в том числе к деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие, в целях поддержания благоприятного состояния окружающей среды является логичным. Однако, по нашему глубокому убеждению, не представляется возможным (по крайней мере, на данном этапе развития общественных отношений) установить на уровне закона отдельный правовой режим для микроорганизмов как самостоятельного объекта.

Высказанная позиция вновь возвращает наши рассуждения к необходимости включить окружающую среду в качестве интегрированного объекта в ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды». В таком включении видится особый смысл, поскольку, несмотря на устойчиво сложившийся в правовой науке взгляд на категорию «правоотношение» и прежде

всего соотношение в нем понятий «субъект» и «объект», а также вытекающее из них содержание (субъективные права и обязанности, образующие юридическую связь управомоченной и обязанной сторон по поводу объекта отношений), мы видим смешение этих двух составляющих при определении взаимодействия субъектов права с окружающей средой. Так, в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. появляется новый элемент экономического механизма охраны окружающей среды – «экономическая оценка экосистемных услуг», объектами которой согласно ст. 44 названы «естественные экологические системы и выполняемые ими экосистемные услуги, обеспечивающие получение обществом выгод в экологической, экономической и социальной сферах». Исходя из определения понятия «естественная экологическая система», данного в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., как объективно существующей части природной среды, «которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (объекты растительного и животного мира, микроорганизмы) и неживые ее компоненты взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией», а также опираясь на ст. 5 этого же закона, в соответствии с которой естественные экологические системы отнесены к объекту отношений, мы закономерно приходим к выводу о том, что естественные экологические системы, как объект, не оказывают (и не могут оказывать) какие бы то ни было услуги, «которые позволяют получать обществу выгоды в экологической, экономической и социальной сферах в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования естественных экологических систем» (ст. 1). Природная среда в целом и ее отдельные части, включая естественные экологические системы, имеют свой природный потенциал, который может быть использован субъектами экологических отношений, что в законодательстве опосредуется такой категорией, как природопользование – хозяйственная и иная деятельность, при осуществлении которой используются природные ресурсы (ст. 1 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г.). Изучение и оценка, в том числе экономическая, природного потенциала экологической системы были известны законодательству: например, проведение экономической оценки природных объектов (ст. 79 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2002 г.). Но правомерна ли постановка вопроса об оказании экологическими системами каких бы то ни было услуг? Словарь трактует понятие «услуга» как «действие, приносящее пользу другому, оказывающее помощь»¹. Гражданский кодекс Республики Беларусь в ст. 733 рассматривает словосочетание «оказать услуги» в контексте совершения субъектом определенных

¹Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1990. С. 837.

действий или осуществления определенной деятельности.

Согласно принятому в целях развития ст. 44 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. Положению о порядке и условиях проведения экономической оценки экосистемных услуг, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 февраля 2024 г. № 123, экономическая оценка экосистемной услуги проводится для определения состояния экосистемы и ее компонентов, эффективного использования финансовых средств, обоснования при разработке мероприятий по получению выгоды в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем, планирования и осуществления хозяйственной и иной деятельности. Таким образом, может быть сделан вывод о том, что речь идет об экономической оценке не услуги, «оказываемой» самой экологической системой, а об оценке природного потенциала, который может быть использован в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем. Полагаем, что мы имеем дело с неудачным восприятием (а возможно, и переводом) термина *ecosystem service*, понимаемого не как услуга, а как получение

выгоды в результате сохранения, восстановления и устойчивого функционирования экосистем, т. е. как общественное потребительское благо (в трактовке ученых – специалистов в сфере экономики природопользования), получаемое обществом из правильно функционирующих экосистем, для характеристики которого используется категория «качество окружающей среды» [20]. Но даже выяснение того факта, что естественная экологическая система, обладая природным потенциалом, не выполняет услуги, следовательно, является объектом экологических правоотношений, а не его субъектом, оставляет без ответа вопрос о признаках этого объекта и месте, которое он занимает среди иных объектов охраны окружающей среды. Преодолению данного дефекта может способствовать применение принципа учета природных и социально-экономических особенностей территорий и результатов экономической оценки экосистемных услуг при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, установленного ст. 4 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г., который показывает, что экономическая оценка экосистемных услуг необходима для того, чтобы выявить и учесть природные и социально-экономические особенности территорий.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

С одной стороны, изменение подходов к определению круга объектов правоотношений в области охраны окружающей среды позволяет констатировать расширение предмета экологического права как самостоятельной отрасли права и законодательства. С другой стороны, позиция законодателя, выражающаяся в дифференциации объектов экологических отношений, нуждается в корректировке путем включения окружающей среды в качестве самостоятельного интегрированного объекта, на который направлена правовая охрана, в Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. с закреплением в нем данного положения. В свою очередь, для систематизации объектов отношений в области охраны окружающей среды, перечисленных в ст. 5 названного нормативного правового акта, следует руководствоваться именно дефинициями, входящими в состав правового понятия «окружающая среда» и отраженными в действующем законодательстве. В таком случае сама категория «объект экологических правоотношений» потребует уточнения с учетом одновременного наличия у нее естественных (природных) и вещественных (материальных) свойств в качестве ведущих признаков, а также включения в сферу эколого-правового регулирования объектов, не имеющих естественного происхождения.

Не представляется возможным (по крайней мере, на данном этапе развития общественных отноше-

ний) установить отдельный правовой режим для микроорганизмов как самостоятельного объекта экологических отношений. Введение их в законодательство в качестве нового компонента окружающей среды также является спорным. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что микроорганизмы в нормативных правовых актах эколого-правового содержания называются исключительно в составе иных компонентов природной среды (недр, вод, атмосферного воздуха и др.), а Закон «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. фактически закрепляет место такого рода организмов исключительно в составе окружающей среды при определении ее состояния.

Открытым остается вопрос о юридических признаках естественной экологической системы и месте, которое она занимает среди иных объектов охраны окружающей среды. Как можно видеть, специальным термином «территория» обозначены такие объекты экологических правоотношений, как особо охраняемые природные территории, природные территории, подлежащие специальной охране, экологически неблагополучные территории, а также биосферные резерваты, биотопы и иные объекты. В определении понятия «естественная экологическая система» территориальный признак обозначен для представления ее в качестве «объективно существующей части природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы». Эта

характеристика, размытая словосочетанием «пространственно-территориальные границы», нивелирует главный правовой признак, указывающий на принадлежность территории Республике Беларусь и позволяющий установить ее правовой режим как территории с особыми (специальными) условиями охраны и использования. По всей видимости, такой подход не случаен, если признать, что естественная экологическая система не является самостоятельным объектом, а выступает тем базисом, на основе которого формируются объекты исследуемых нами правоотношений с соответствующим правовым режимом. Из вышесказанного вытекает вывод о необходимости исключить из ст. 5 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. термин «естественные экологические системы» при сохранении его дефиниции в ст. 1 данного норма-

тивного правового акта, необходимой при определении юридически значимых признаков объектов экологических правоотношений.

Ситуация с отсутствием имеющих особый правовой режим экологически неблагополучных территорий среди объектов экологических правоотношений требует разрешения, что обусловлено наличием специальных норм, определяющих их виды и формирующих правовой статус в Законе «Об охране окружающей среды» в редакции 2023 г. и в предыдущих редакциях данного нормативного правового акта.

Преодолению названных выше неопределенностей и пробелов будет способствовать изложение содержания статьи Закона «Об охране окружающей среды», определяющей объекты соответствующих отношений, с учетом подходов, сформировавшихся и обоснованных в эколого-правовой науке.

Библиографические ссылки

1. Алексеев СС. *Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования*. Москва: Статут; 1999. 712 с.
2. Алексеев СС. *Теория права*. Москва: БЕК; 1995. 312 с.
3. Петров ВВ. *Экологическое право России*. Москва: БЕК; 1995. 557 с.
4. Бринчук ММ. *Экологическое право: объекты экологических отношений*. Москва: Институт государства и права РАН; 2011. 152 с.
5. Бринчук ММ. Особенности природы как объекта экологических отношений. *Государство и право*. 2023;10:100–109. DOI: 10.31857/S102694520028118-0.
6. Краснова МВ, Макарова ТИ. К вопросу о предмете экологического права в науке и законодательстве Беларуси, России и Украины. В: Семенов ВИ, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Сборник научных трудов. Выпуск 9*. Минск: Белпринт; 2014. с. 386–394.
7. Рыженков АЯ. Субъекты и объекты экологических правоотношений. *Правовая парадигма*. 2020;19(4):100–109. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13.
8. Бринчук ММ. *Законы природы и общества. Часть 1*. Москва: Юрлитинформ; 2015. 544 с.
9. Пономарев МВ. Человек как субъект и объект экологических правоотношений. *Журнал российского права*. 2016; 1:147–153. DOI: 10.12737/17240.
10. Мороз ОВ, Самарин ВИ, Саскевич ВВ. Снег как объект экологических правоотношений? *Экологическое право*. 2019;2:33–37.
11. Макарова ТИ. Право на благоприятную окружающую среду в системе прав человека. *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 1996;1:66–68.
12. Макарова ТИ. *Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь*. Минск: БГУ; 2004. 231 с.
13. Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. Обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду: опыт Республики Беларусь. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020;162(2):99–109. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.99–109.
14. Транин АА. Экологически неблагополучные территории – особый объект экологических правоотношений. *Экологическое право*. 2012;1:28–34.
15. Макарова ТИ, Навасардова ЭС, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ, Шингель НА, Курилович МП. Концепция формирования правовых основ Евразийского эколого-безопасного пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;1:100–111.
16. Макарова ТИ. Доктрина международного права окружающей среды: формирование, основы, содержание. *Евразийский юридический журнал*. 2013;10:51–54.
17. Жлоба АА. Об объектах экологических правоотношений. В: Макарова ТИ, редактор. *Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 104–106.
18. Балашенко СА, Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. *Экологическое право*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 399 с.
19. Лизгаро ВЕ. Объекты экологических правоотношений в контексте формирования эколого-безопасного пространства. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 1031–1034.
20. Васильева ЕЭ. *Экономические аспекты экологической политики*. Минск: Европейский гуманитарный университет; 2000. 50 с.

References

1. Alekseev SS. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC-book – theory – philosophy: experience of comprehensive research]. Moscow: Statut; 1999. 712 p. Russian.
2. Alekseev SS. *Teoriya prava* [Theory of law]. Moscow: BEK; 1995. 312 p. Russian.
3. Petrov VV. *Ekologicheskoe pravo Rossii* [Environmental law of Russia]. Moscow: BEK; 1995. 557 p. Russian.
4. Brinchuk MM. *Ekologicheskoe pravo: ob'ekty ekologicheskikh otnoshenii* [Environmental law: objects of environmental relations]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2011. 152 p. Russian.
5. Brinchuk MM. Features of nature as an object of environmental relations. *State and Law*. 2023;10:100–109. Russian. DOI: 10.31857/S102694520028118-0.
6. Krasnova MV, Makarova TI. [On the issue of the subject of environmental law in science and legislation of Belarus, Russia and Ukraine]. In: Semenov VI, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 9* [Law in modern Belarusian society. Issue 9]. Minsk: Belprint; 2014. p. 386–394. Russian.
7. Ryzhenkov AY. Subjects and objects of environmental legal relations. *Legal Concept*. 2023;19(4):100–109. Russian. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.4.13.
8. Brinchuk MM. *Zakony prirody i obshchestva. Chast' 1* [Laws of nature and society. Part 1]. Moscow: Yurлитinform; 2015. 544 p. Russian.
9. Ponomarev MV. Person as a subject and object of environmental legal relations. *Journal of Russian Law*. 2016;1:147–153. Russian. DOI: 10.12737/17240.
10. Moroz OV, Samarin VI, Saskevich VV. Snow as an object of environmental legal relations? *Ekologicheskoe pravo*. 2019;2:33–37. Russian.
11. Makarova TI. [Right to a favourable environment in the system of human rights]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universiteta. Seryja 3, Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 1996;1:66–68. Russian.
12. Makarova TI. *Ekologo-pravovoi status grazhdan Respubliki Belarus'* [Legal environmental status of citizens of the Republic of Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 231 p. Russian.
13. Makarova TI, Lizgaro VE. Ensuring the citizens' rights to a healthy environment: experience of the Republic of Belarus. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2020;162(2):99–109. Russian. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.2.99-109.
14. Tranin AA. [Environmentally unfavourable areas are a special object of environmental legal relations]. *Ekologicheskoe pravo*. 2012;1:28–34. Russian.
15. Makarova TI, Navasardova ES, Lizgaro VE, Moroz OV, Shingel NA, Kurylovich MP. The concept of forming the legal foundations of the Eurasian environmentally safe space. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2022;1:100–111. Russian.
16. Makarova TI. [Doctrine of international environmental law: formation, bases, content]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2013;10:51–54. Russian.
17. Zhloba AA. [About the objects of environmental legal relations]. In: Makarova TI, editor. *Vliyanie mezhdunarstvennykh integratsionnykh protsessov na razvitie agrarnogo, ekologicheskogo, prirodoresurnogo i energeticheskogo prava. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [The impact of interstate integration processes on the development of agricultural, environmental, natural resource and energy law. Abstracts of reports of the International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 104–106. Russian.
18. Balashenko SA, Makarova TI, Lizgaro VE. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Minsk: Vyshejschaja shkola; 2021. 399 p. Russian.
19. Lizgaro VE. [Objects of environmental legal relations in the context of the formation of an environmentally safe space]. In: Mikhalyova TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [State and law in the 21st century. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 1031–1034. Russian.
20. Vasil'eva EE. *Ekonomicheskie aspekty ekologicheskoi politiki* [Economic aspects of environmental policy]. Minsk: European Humanities University; 2000. 50 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2024.
Received by editorial board 04.06.2024.